

ВЛАДИМИР
ОБРУЧЕВ



Золотоискатели
в пустыне



МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ВЛАДИМИР
ОБРУЧЕВ



Золотоискатели
в пустыне



МОСКВА

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-24

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Обручев, Владимир Афанасьевич.

О-24 Золотоискатели в пустыне / Владимир Обручев. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

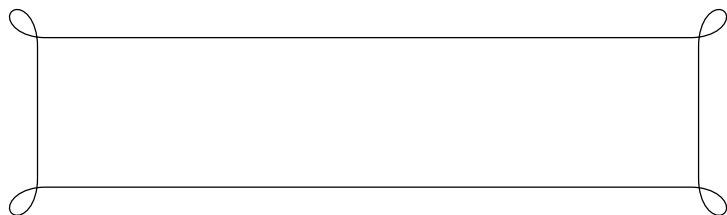
ISBN 978-5-04-222669-4

«Золотоискатели в пустыне» — приключенческий роман о добычи золота в джунгарской пустыне. Главные герои — Мафу и Лю Пи, два китайских золотоискателя, ежедневно работают в шахте, добывая руду, богатую крупинками желтого металла. Их жизнь наполнена трудностями: жадный чиновник пытается незаконно обвесить старателей, спрятанное золото может стать добычей воров, а вокруг рудника — пустыня с волками и злым ветром хыйфын. Когда герои решают попытать счастья на новом руднике, их планы нарушает восстание дунган — китайских мусульман, поднявших мятеж против властей. Война, грабежи и убийства превращают жизнь золотоискателей в борьбу не только за золото, но и за выживание.

Роман основан на исследованиях, которые писатель, геолог и путешественник Владимир Обручев (1863–1956) проводил в Джунгарии — части Западного Китая, прилегающей с юго-востока к границам Восточного Казахстана. Там он изучал горные системы и историю местной золотодобычи.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222669-4 © Обручев В.А., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025



ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Пятьдесят лет назад я изучал страну Джунгарию — часть Западного Китая, прилегающую с юго-востока к границам Восточного Казахстана. В этой местности соприкасаются горные системы Алтая и Тянь-Шаня, и я должен был выяснить границу между ними, геологию и географию Джунгарии.

Я провел три лета в этой стране и пересек ее в разных направлениях; изучал горные цепи, широкие долины с оазисами по речкам и у источников воды и площадями настоящей пустыни, ровной или холмистой, местами похожей по своему рельефу на развалины большого города.

В одной из горных цепей я встретил в нескольких местах развалины селений с заброшенными шахтами, рудными отвалами и остатками промывальных устройств, которые показали, что в этих горах, теперь населенных только кочевниками, когда-то жили оседлые люди, добывая золото. Я осмотрел несколько таких поселков, выяснил условия жизни и работы в этой пустынной местности, где теперь бродят

только антилопы, а в прежних шахтах обитают лисицы и волки.

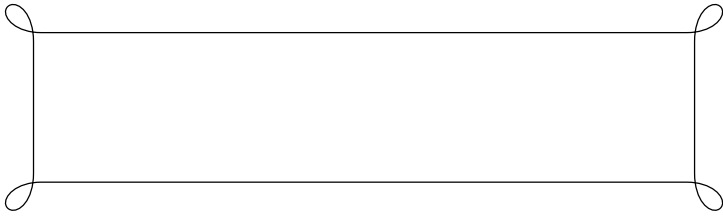
Интересуясь историей Китая, я узнал, что в этой стране добывали золото в первой половине прошлого столетия и что добыча прекратилась в связи с гражданской войной, охватившей запад Китая 80–90 лет назад, когда были разрушены многие селения и города, а население истреблено или разбежалось.

Обрабатывая материалы и наблюдения своего путешествия по Джунгарии, я подумал, что было бы интересно описать жизнь и работу этих искателей золота, китайских рудокопов, загнанных нуждою в пустыню, извлекавших крупинки золота из твердых жил кварца в глубоких, примитивных, ничем не укрепленных шахтах, дробивших кварц в каменных чашах и промывавших его водой из тех же шахт. Эта же вода употреблялась и для питья, так как в большинстве поселков другой воды не было. Описание суровой жизни рудокопов хотелось дополнить рассказом об их приключениях в горах и долинах Джунгарии в начале гражданской войны (середина XIX века), вызванной восстанием дунган (китайских мусульман), что давало возможность более подробно познакомить читателя с природой страны.

Книжку такого содержания я написал 30 лет назад. Она была издана небольшим тиражом, почему и осталась мало известной. Между тем Джунгария — пограничная с нашим Союзом страна и ее природу нам необходимо знать.

Второе издание (Госгеолиздат) было дополнено пятью главами и исправлено. Настоящее, третье, издание печатается с небольшими исправлениями.

В. Обручев



В КИТАЙСКОЙ ШАХТЕ

Около полудня Лю Пи вылез из своей шахты и после многочасового пребывания в подземной сырости и прохладе с наслаждением глубоко вдохнул знойный летний воздух. Он взглянул прищуренными глазами на солнце, сиявшее на безоблачном небе, потом посмотрел на цепь голых скалистых гор Катун, заграждавшую вид на север, подобно гигантской пиле, обращенной зубьями вверх, еще раз взглянул на солнце, перевел взор на запад и, почмокав губами, пробормотал:

— Большой ветер будет к ночи, большой ветер, черная буря. Хорошо, если Ван Ли успеет доехать до заимок Чаапчи.

Лю Пи оглянулся на черную дыру шахты, из которой вылез и на дне которой проводил изо дня в день более половины суток. Из темноты послышался шорох и кряхтенье — еще кто-то лез наверх.

— Торопись, Мафу, обед простынет! — крикнул Лю Пи с явной насмешкой в голосе и зашагал, слегка сгорбившись, к дверям низкой фанзы, находившейся в нескольких шагах от шахты.

— Лю Пи, приятель, не начинай есть без меня! — послышался умоляющий голос из глубины черной дыры. — Я не могу лазить так скоро, как ты, по этим проклятым лестницам. Подожди меня, слышишь?

Но Лю Пи не обратил никакого внимания на просьбы своего товарища и вошел в фанзу, низко согнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку. В фанзе было довольно темно, так как она освещалась небольшим оконцем, не более четверти квадратного метра, затянутым вместо стекла побуревшей от пыли бумагой. Низкий и широкий кан (лежанка) занимал почти всю заднюю половину комнаты. На нем лежали камышовые циновки, свернутые матрасики и одеяла, валики-подушки. Перед оконцем стоял кривоногий, грубый низенький стол с посудой.

В углу темнел высокий, почти в метр, массивный глиняный сосуд, в котором китайцы хранят зерно и муку. Рядом на стене висели на колышках какие-то мешки, связки лука, чеснока и красного перца, пучки засушенной горной полыни и других трав. Слева от двери, рядом с рваными мешками и узкими, высокими корзинами из ивовых прутьев, были свалены инструменты рудокопа — заступы, кирки, молоты и клинья.

— Еда готова? — обратился Лю Пи к двум полуголым мальчикам, сидевшим на корточках возле широкой топки кана, в которой горел огонек, и в чугунном котле на треноге что-то бурлило, испуская клубы пара.

— Давно готова. Давно пора есть, — воскликнул один из мальчиков, вскакивая на ноги, тогда как другой всыпал какую-то зелень в котел и стал мешать в нем длинной разливательной ложкой.

— Готово, так будем есть, — приказал Лю Пи, забрал со стола четыре фаянсовые чашки, похожие на полоскательные, перенес их на кан, затем снял с кола один из мешков, насыпал из него горку мелких сухарей на кусок ржавого листового железа, заменявшего поднос, и также поставил на кан рядом с чашками. В это время мальчики соединенными усилиями вытащили треногу с котлом из топки и подняли котел на кан.

— Вот и Мафу идет! — заметил Лю Пи, вскакивая на кан и располагаясь на циновке, поджавши ноги. — Не говорите ему, что мы не ели. Слышите!

Мальчики в ответ захихикали и опять присели на корточки возле печки, обратив запачканные сажей смеющиеся мордочки к дверям фанзы, за которыми послышался тяжелый топот и фырканье, словно к ним подошла усталая лошадь. Дверь распахнулась, и в нее, согнувшись, протиснулся боком человек богатырского телосложения, крайне редкого среди китайцев. Он бросил в угол кайлу, громко звякнувшую о другие инструменты, и проворчал:

— Опять сломалась, проклятая! Жила — чистый Тюмень, инструмент съедает, а золота дает мало-мало. А вы уже покушали, я вижу, — прибавил он, заметив, что его сожители словно отдыхают после еды.

— Мы уже покушали, Мафу, — сказал Лю Пи и в доказательство громко икнул. — Не знаю, осталось ли что-нибудь для тебя. Ты очень долго не шел, а мы были голодны, как крысы.

— Ужасно голодны, — подтвердил один из мальчиков. — А похлебка была такая вкусная, с чесноком и луком.

— У-у, обжоры! — взвизгнул Мафу и, схватив полуголых мальчуганов за головы, пригнул их к самой земле. Мальчики визжали и барахтались в могучих руках Мафу, Лю Пи хохотал во все горло.

— Ну довольно, Мафу, — сказал он, натешившись. — Ты загляни в котел, может быть, и тебе хватит пообедать.

— Что же ты не сказал раньше, черепаха, — буркнул Мафу, выпустив пленников, толкнув их в разные стороны, и подошел к котлу, закрытому тряпкой. Он приподнял тряпку, заглянул в котел и, увидав, что он полон, громко засмеялся.

— Опять обманули меня, бездельники!

Мафу забрался на кан и сел рядом с Лю Пи, а мальчики поместились на краю по обе стороны котла. Лю Пи пододвинул чашки и, вооружась разливательной ложкой, наполнил их горячей жидкой похлебкой из пшена с мелко нарезанным зеленым луком и чесноком, сказав:

— Кушайте на здоровье, не взыщите.

Каждый из сотрапезников взял свою чашку, горсть сухарей и стал с шумом втягивать горячую жидкость, фыркая, вздыхая и по временам подбрасывая в нее несколько сухариков. После первой чашки съели по второй, по третьей и по четвертой. Затем мальчики скромно отошли к топке, предоставив взрослым кончать котел, в котором нашлось еще по две чашки на каждого.

— Чай! — послышался приказ Лю Пи.

Один из мальчиков вытащил из глубины топки небольшой закопченный чайник и поставил его на кан; Лю Пи налил немного чаю в свою чашку, спо-

лоснул ее от остатков супа, выплеснул на пол и затем налил себе до краев светлого зеленоватого чаю, который стал пить маленькими глотками. Мальчики сняли котел кана и поставили в угол фанзы, убрали свои чашки на стол, а чайник — обратно в топку, затем поклонились старшим до пояса и выбежали на двор. В фанзе некоторое время опять слышались журчанье вытягиваемой жидкости и вздохи.

Опорожнив по одной чашке, Лю Пи и Мафу развернули свои узкие и тонкие ватные матрасики на циновках теплого кана, положили в изголовье короткие валики, заменяющие китайцам подушки, и улеглись спать. Через несколько минут слышалось уже легкое посапывание Лю Пи, чередовавшееся с громким храпом Мафу.

Прошло около часу. Лю Пи проснулся, протяжно вздохнул и присел на своей циновке. Почесав спину, бока и грудь, он толкнул Мафу в бок и прервал его храп, затем слез с кана, вытащил из топки горячий еще чайник и, присев на корточки, налил себе чашку. Утолив первую жажду, он достал из-за пояса своей синей рубашки кисет и трубку с методической чашечкой и халцедоновым мундштуком, набил табаку, выкопал из золы уголек и закурил. Дым табака и приторно-сладкий запах подмешанного к нему опиума распространились по фанзе и окончательно разбудили Мафу.

— Пора на работу, — сказал Лю Пи, выколавая золу из трубки и снова наполняя ее свежим табаком. — Поторопись, толстый!

— Работа не блоха, из рук не выскочит, — ответил Мафу, сползая с кана. Он налил себе чашку чаю, набил свою трубку, более толстую и длинную, чем

у Лю Пи, поднял с земли брошенный последним уголек и жадно стал курить, глубоко заглывая дым.

— Как думаешь, кончим мы сегодня жилу? — спросил Лю Пи.

— Ни за что! — ответил Мафу. — Жила — чистый кремень стала: бьешь, бьешь, а толку мало. Придется нам бросить эту сторону!

— А где же мы будем работать? — сердито возразил Лю Пи. — Глубже не уйдешь — вода, наверху все взято уже. Только эта твердая сторона и осталась.

— Ну, этой твердой стороны нам надолго хватит, — усмехнулся Мафу, покончив с курением и принимаясь за чай. — Кирки изломаем, руки обломаем, будем зубами выгрызать руду. А зубы поломаем — тогда что?

Он быстро допил чашку, встал, потянулся так, что затрещали кости, и произнес лениво:

— Пойдем, что ли!

Лю Пи поднялся, вытряхнул трубку, засунул ее и кисет за пояс и направился к двери. Мафу, выбрав из кучи в углу исправную кирку, последовал за ним. Они прошли через дворик к зиявшей в противоположном углу черной яме.

Лю Пи опять пристально посмотрел на запад, куда уже немного склонилось солнце, и на зубчатые вершины Катю.

— Непременно к ночи большой ветер будет, — прибавил он, качая головой. — Смотри-ка, солнце уже потускнело, а Катю затянуло, словно дымом.

Шахта, в которую стали спускаться наши рудокопы, повергла бы горняка в ужас. Это был ров, тянувшийся вдоль всей стены дворика, противопо-

ложной фанзе, пятнадцать метров в длину и метр в ширину. Вглубь он уходил очень круто, под углом около 60°. Один из боков висел над пустотой, ничем не закрепленный и не поддерживаемый, вот-вот, казалось, готовый рухнуть. Отдельные глыбы камня — зелено-серого грубо-слоистого сланца — выдавались вперед, совсем нависая над бездной. В противоположном боку были высечены узкие ступеньки. Нужно было обладать ловкостью обезьяны или многолетней привычкой, чтобы подниматься и в особенности спускаться по этой крутой и опасной лестнице без перил, уходившей на глубину тридцати метров. А каково было подниматься с тяжелой корзиной руды за плечами!

Шахта эта представляла собой просто выработку вдоль золотоносной кварцевой жилы. Рудокопы начинали добывать оруденелый кварц с самой поверхности, оставляя на месте пустую, не содержащую золото породу обоих боков жилы, и постепенно уходили все глубже, пока подземная вода, для борьбы с которой у них не было ни средств, ни познаний, не ставила предела их погоне за золотом. Тогда шахту бросали и начинали рыть новую на другой жиле. Вынимали, впрочем, не весь кварц; местами жила становилась очень бедной, и эти части ее оставляли в виде перемычек, тянувшихся вдоль или поперек рва, от одного бока до другого, и служивших подпорками для нависшего бока, который иначе неминуемо обрушился бы, придавив первобытных рудокопов.

Мафу спускался первым, а Лю Пи следом за ним на некотором расстоянии. До глубины двадцати метров они спускались при постепенно убывавшем

дневном свете, проникавшем сверху. Но дальше становилось уже слишком темно. Они высекли огонь при помощи трута и огнива и засветили свои рудничные лампочки — небольшие глиняные сосуды, похожие на чайники, наполненные маслом. Фитиль из бумажной тряпки, вставленный в носик сосуда, давал слабый свет. Посредством короткой цепочки и крючка лампочка подвешивалась к поясу, оставляя свободными руки.

Еще десять метров вниз — и рудокопы добрались до дна шахты и повернули влево. Теперь золотоносная жила была у них под ногами. Они бесцеремонно топтали драгоценный кварц, уходящий еще глубже, но для них недоступный, потому что на этом уровне работе уже мешала вода, капавшая также с нависшего бока и стоявшая лужами в углублениях дна.

Шагов через тридцать Мафу и Лю Пи подошли к месту своей работы, где остался еще участок жилы выше уровня подземной воды. Кварц залегал грязно-белой ветвистой полосой почти в метр ширины, переслаиваясь с твердым сланцем и пуская отростки в висячий и лежащий бока жилы, состоявшие из того же сланца. Мафу остался на дне шахты, а Лю Пи полез по жиле метра на два вверх, где был его уступ. Рудокопы подвесили лампочки к выступам камня и принялись за свою трудную работу. Киркой они выковыривали кварц кусочек за кусочком, а если кирка не брала — загоняли ударами молота железные клинья в тонкие трещины жилы или окаймлявших ее сланцев. Но здесь кварц был очень твердый и мало трещиноватый; кроме того, отсутствовала каемка охристой глины, отделявшая в других местах кварц от боковых

сланцев и облегчавшая работу, так как глина легко выковыривалась киркой, а в оставшееся пустое пространство удобно было вставлять клинья и отделять ими более крупные куски породы.

Добытый кварц ссыпался на циновку, разостланную у подножья забоя, откуда его время от времени сгребали мальчики, спускающиеся в шахту с корзинами на спине, в которых и выносили наверх золотосодержащую руду. Так как по крутому и длинному подъему с его первобытными ступеньками они не могли унести более 15–20 килограммов за один прием, то им приходилось спускаться и подниматься раз двадцать-тридцать в день. Мальчики настолько хорошо изучили дорогу, что обходились без освещения даже на дне шахты; они знали, где нужно нагнуться, чтобы не задеть головой о камень, где свернуть, чтобы обойти яму с водой.

РУДОНОСЫ

Прошло более часа с тех пор, как рудокопы вернулись в шахту. Все это время они неустанно долбили жилу кирками. Лю Пи колотил методически, короткими и резкими ударами. Мафу бил с размаху, изо всех сил, и чаще прибегал к клинью и тяжелому молоту, который весело плясал в его руках, звонко ударяя по железу. Разогревшись, оба рудокопа сбросили рубашки из синей дабы и остались в одних шароварах. Их смуглые торсы блестели от пота, косички¹ были обернуты вокруг головы и спрятаны под

¹ В Китае прежде мужчины носили косы.

войлочные шапочки, покрытые таким толстым слоем пыли и копоти, что по цвету не отличались от темного сланца.

— Ну и жила, будь она проклята! — воскликнул Мафу, бившийся уже минут десять над одним особенно твердым местом. — И, наверно, золота мало, ни крошки охры нет!

— Что ж, отдохнем, покурим, — отозвался Лю Пи, который был арендатором шахты, недавно взял Мафу себе в компаньоны и потому распорядился работой.

Он спустился со своего уступа и присел на корточки возле кучки кварца, набитого его товарищем.

При тусклом свете лампочки Лю Пи стал перебирать куски белой породы; иные отбрасывал сразу, другие внимательно разглядывал.

— Напрасно бранишь жилу, золото мало-мало есть, — сказал он, окончив осмотр и принимаясь за свою трубку.

Мафу уже курил, прислонившись к забою.

— Мало-мало — это мало, — ответил он. — Пожалуй, на еду и на инструмент не заработаешь.

— Не надо бранить жилу, — шепотом произнес Лю Пи, словно жила могла подслушать разговор. — Не знаешь разве: будешь хаять — золото совсем скроется. Подземные демоны не любят, когда люди недовольны их сокровищами. Или золота не станет, или с тобой что-нибудь приключится — камень на голову свалится, ногу сломаешь. Мы здесь в их полной власти.

— А ты видел когда-нибудь подземного демона? — спросил Мафу, недавно сделавшийся рудо-

копом и относившийся скептически к их суевериям. Раньше он был погонщиком в обозе, потом табунщиком при китайской кавалерии¹. Свое настоящее имя он скрывал, так как ему пришлось бежать из Китая после нечаянного убийства во время драки.

Лю Пи беспокойно оглянулся вправо и влево.

— В фанзе расскажу, что видел, а здесь нельзя, нехорошо будет, — прошептал он. — Близко был, слышал нас, — прибавил он немного спустя.

Наступило молчание; слышно было только слабое потрескивание лампочки, висевшей на неровной каменной стене, и шипенье табака в трубках. На глубину тридцати метров с поверхности не доносилось никаких звуков; там могла неистовствовать буря, греметь гром, лить дождь — здесь царила мертвая тишина подземного царства, изредка нарушаемая стуком от падения сорвавшегося камня на дно шахты или всплеском, если он угодил в воду.

Но вот послышались легкий шум и глухо звучащие голоса, постепенно приближавшиеся.

— Мальчики идут, — сказал Лю Пи. — У нас, пожалуй, и на две корзины не наберется руды.

Он взглянул на кучку кварца, набитого Мафу, и прикинул, что у него на уступе едва ли будет больше.

— Хватит! — буркнул Мафу и, приподнявшись, вырвал из жилы большой кусок подбитого уже кварца, который и бросил на свою кучу.

Шаги слышны были уже близко, и из темноты вынырнули фигуры мальчиков с корзинами на спине. Подойдя к рудокопам, они присели на корточки

¹ Мафу — конюх, погонщик.

рядом с Лю Пи. Пламя лампочки отразилось светлыми точками в их темных, косо прорезанных глазах, устремленных на огонь.

— Где, щенята, пропадали так долго? — ласково спросил Лю Пи.

— Бегали в горы, собирали дрова и аргал¹, — ответил младший, по имени Пао, племянник Лю Пи.

— И видели хуан-янгов², — прибавил второй, Хун, подскакивая от волнения, — пять больших и двух маленьких.

— Мы хотели поймать хоть одного. Совсем уж близко были, — зататорил Пао, — да они нас почували и умчались как ветер.

— А вы не знаете, как поймать хуан-янга, не имея ружья? — сказал Лю Пи с лукавой усмешкой.

— Арканом разве за рога или из самострела подстрелить? — предложил Хун.

— Не нужно ни аркана, ни самострела, а только гореть соли насыпать хуан-янгу на хвост — и ты его поймаешь непременно! — серьезно заметил Лю Пи.

— На хвост?! — воскликнул Хун, разевая рот от удивления. — Да как же так? Он убежит раньше, не подпустит.

— И хвост у него очень маленький, — прибавил Пао в недоумении.

Лю Пи и Мафу расхохотались. Мальчики сообразили, что над ними шутят, и сами рассмеялись.

¹ Аргал — сухой помет диких и домашних животных, служащий основным топливом в Монголии и Джунгарии.

² Хуан-янг — «желтая коза»; так называют китайцы антилоп, которые водятся в изобилии в степях Центральной Азии; дзерен — по-монгольски.

— Не время разговаривать, — вдруг оборвал Лю Пи. — Работа не ждет. Нагружайтесь и полезайте наверх, а когда вернетесь — принесите мне другую кайлу, моя иступилась.

Хун опустил ся на колени возле кучи кварца, повернувшись к Мафу спиной, а тот взял лопату и стал насыпать руду в корзину. Когда она почти наполнилась, он помог Хуну встать, и мальчик, согнувшись, зашагал вглубь темной шахты, к лестнице. Как и рудокопы, он был без рубашки, в одних бязевых панталонах. Но у старших шаровары доходили до щиколотки и ноги были обуты в широкие носки и туфли с толстой подошвой, а у мальчиков панталоны были только по колено, и ноги оставались голыми. Впрочем, их ступни давно уже огрубели и не боялись острых камней, а подниматься и спускаться по ступенькам шахты было гораздо удобнее босиком, чем в обуви.

Вскоре с уступа осторожно спустился и Пао с наполненной корзиной и прошел мимо Мафу. Рудокоп спросил:

— А что, буря уже началась?

— Нет еще, — ответил Пао. — Верно, будет к ночи: солнце стало совсем красное и душно.

На дне шахты опять раздался однообразный стук стали по кварцу, иногда прерываемый вздохами Лю Пи и сердитыми восклицаниями Мафу. Мальчики пробирались к началу подъема, куда еле-еле проникал слабый дневной свет. Но после полной темноты на дне шахты и этого сумеречного света было достаточно, чтобы различать ступеньки. Мальчики поднимались медленно со своей тяжелой ношей, нагнувшись вперед, и в трудных местах, где ступеньки были слиш-